

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. Вып. X. М. - Л. 1941. 144 стр.

Десятый выпуск «Кратких сообщений Института истории материальной культуры» вышел в осажденном Ленинграде во время Великой отечественной войны. Эта книга для нас, советских археологов, поэтому особенно дорога.

Содержание десятого выпуска очень богато. В нем заключены первые сообщения о ряде открытий выдающегося значения. Эти открытия показывают, какой рост науки и культуры нашей Родины пытались остановить немецкие захватчики.

Десятый выпуск открывается изложением доклада В. А. Шишкина «Исследование городища Варахша и его окрестностей». Изучение Бухарского оазиса на границе мертвых теперь Кызыл-кумов дало первоклассные открытия. Удалось доказать, что этот район был в древности более широко освоен для земледелия. Многочисленные тепе, укрепления и остатки оросительных систем говорят о царившем здесь некогда оживлении. О начале освоения окраин Кызыл-кумов говорит находка бронзовых стрел скифского типа. Дальнейшие исследования должны объяснить постигший эту область упадок, начавшийся еще с IV века н. э.

Начатые В. А. Шишкиным стационарные работы на городище Варахша открыли важные памятники культурно-исторического развития. На территории небольшой цитадели городища были обнаружены развалины дворца бухар-худатов — доарабских правителей Бухарской области. В нижнем этаже дворца были открыты остатки отделки парадных комнат исчезнувшего второго этажа. Это свыше 5 000 обломков штукатурной архитектурной декорировки из алебаstra. Большинство фрагментов штукатурки сохранили резьбу и лепку большого художественного и историко-культурного значения.

Исключительный интерес представляют изобразительные мотивы — деревья, водоемы с плавающими водорослями, рыбами, змеями и водяными птицами. На отдельных фрагментах штукатурки видны рельефы лани, коня, лягушки и птиц.

Изображение человека представлено двумя формами — маской юноши в диадеме индо-синцзянского типа и головой бородатого мужчины с повязкой, стягивающей волосы. Покатый лоб, высокий нос и другие характерные черты придают этой голове необыкновенную выразительность. Изысканность индо-иранского эллинистического искусства проявилась и в многочисленных фрагментах рук, торсов, складок одежды и в птице-женщине, столь близких к Kinnari Гандхары и Синцзяна. В этот же круг изображений органически входит большая рельефная фигура одетого в легкие одежды человека, найденная на обломках глиняных плит в северо-восточной части дворца.

Здесь же в помещении, забитом забутовкой позднейших перестроек, найдены замечательные стеновые росписи, выполненные красками по глиняной штукатурке. Уцелели фрагменты двух панно, сходных по композиции и сюжету. На обоих в центре изображен боевой слон, вожатый которого в одном случае стреляет в грифона, а в другом — поражает копьём поднявшегося на задние лапы льва. Грифон и лев нападают на слона сзади. Росписи Варахши автор относит к III—IV векам, когда после распада государства великих кушанов приобрели значение династии местных владетелей и среди них род бухар-худатов.

Уже по предварительным данным видно, что В. А. Шишкину посчастливилось обнаружить памятник первостепенного значения, доказывающий глубину проникновения и стойкости эллинистического воздействия на культуру Средней Азии. Без всякого преувеличения можно сказать, что искусство Варахши начинается в этом отношении следующую страницу в истории культуры после блестящих открытий Айртама и Нессы.

Отличается новизной и свежестью статья А. Н. Окладникова о палеолитических жилищах в Бурети (Ангара). Умело разобравшись в нагромождении костных остатков вокруг жилищ и сравнив полученные данные с историко-этнографическими сообщениями о применении кости и рога в качестве строительного материала у чукчей, коряков и эскимосов, автор дает остроумную реконструкцию верхнего строения жилищ в Бурети.

Работа А. Н. Окладникова ценна тем, что он не переоценивает сходства реконструированного им жилища с жилищами эскимосов Северной Америки и не идет за исследователями, утверждающими прямую генетическую связь между современными арктическими племенами и древним мадленским населением, якобы откочевавшим на север вслед за стадами северных оленей. Автор справедливо подчеркивает связь эскимосской культуры не с палеолитом, но с неолитической стадией культуры тихоокеанских береговых племен. Сходство же жилищ эскимосов и других племен с Буретью скорее объясняется близкими природными условиями современной Арктики и Сибири в конце ледникового периода.

Стоянка Буреть, уже подарившая науке ряд замечательных памятников, вполне заслуженно стала объектом и геологического изучения. Некоторые результаты в этом отношении приведены в докладе Н. В. Тюменцева «К вопросу о геологическом возрасте стоянки Буреть». Подробный анализ строения террас реки Ангара и стратиграфии их напластований приводит автора к выводу, что «время поселения человека близ Бурети мы можем отнести к концу последнего оледенения и началу послеледниковой эпохи». Тем самым определяется и относительный возраст террасы 2-метровой высоты, поскольку отметки культурного горизонта соответствуют этому уровню. Соответственно возраст 18-метровой террасы должен быть повышен, так же как и возраст 6—8-метровой, которую мы можем считать первой послеледниковой, соответствующей времени позднего палеолита и раннего неолита (Олонки, Усть-Белая).

В этой же серии вопросов истории заселения ангаро-ленского севера выдающийся интерес приобретает сообщение В. В. Карачаровского «О находке зуба домашнего быка в ранней стоянке близ города Якутска».

Наличие на Средней Лене домашнего быка задолго до XII—XIV веков, когда скотоводство, по господствующему мнению, распространилось в этой области вместе с проникновением сюда южан — родоначальников современных якутов, — заслуживает пристального внимания при дальнейших исследованиях в Якутии.

Проблему позднеледниковых культур севера Европейской части СССР затрагивает сообщение А. Я. Брюсова об археологических работах 1937—1940 гг. в Вологодской области. Наиболее древними памятниками, исследованными А. Я. Брюсовым, являются стоянки так называемой Каргопольской культуры у села Погостичи (IV—III тысячелетие до н. э.) и села Гостинного на берегу реки Модлоны (III тысячелетие до н. э.). К тому же времени, что модлонская стоянка, относятся и поселение и могильник в местности Караваиха (публикация А. Я. Брюсова в «Трудах Государственного исторического музея», вып. XII).

К более позднему времени относится открытое в 1938 г. на реке Модлоне свайное поселение. Находка там янтарных украшений и сланцевого наконечника стрелы позволяет отнести его к началу II тысячелетия до н. э. Добытый обширный кремневый и костный инвентарь (главным образом стрелы, клиновидные топоры, гарпуны и удильные крючки), а также керамика и кости одних только диких животных позволяют считать здесь еще господствующим старый охотничье-рыболовецкий быт. От свайных сооружений уцелело значительное число свай и бревен настила, а также бревна с развилкой, которые могли служить опорой кровли домов. Однако исследователю не уда-

лось пока найти исчерпывающих доказательств в пользу своей группировки остатков по отдельным домовым комплексам (см. план раскопок на стр. 103). Необходимо всячески настаивать на дальнейшем продолжении раскопок этого высокоинтересного памятника.

В связи с последними работами М. Е. Фосс и А. Я. Брюсова по Каргопольской культуре, а также в связи с проблемой северных петроглифов, безусловный интерес представляют опубликованные В. И. Смирновым с известной стоянки Кубенино обломки венчика круглодонного сосуда, украшенного рисунками птиц. Они обнаруживают черты сходства с изображениями лебедей на петроглифах Онежского озера.

В статье А. В. Збруевой «Из работ Куйбышевской экспедиции» содержится сообщение о продолжении раскопок Луговского могильника Ананьинской эпохи, исследуемого автором в поселке Луговом Елабужского района. Среди 20 новых погребений, вскрытых в 1940 г., выделяется погребение № 57. В нем наряду с типично ананьинским кельтом, бляхой и костяными наконечниками стрел (из них один тупой, для битья белки) найден железный кинжал скифского типа, украшенный золотой инкрустацией и бронзовыми накладками с геометрическими прорезами. А. В. Збруева склонна сравнивать этот кинжал по форме навершия и по наличию инкрустаций не только со скифскими, но и с гальштатскими.

Сообщение В. П. Левенка «Археологические работы Трубчевского музея» показывает, каких значительных результатов могут достигнуть местные научные организации при наличии необходимой энергии и научного энтузиазма.

Стоянки в районе Трубчевска представляют выдающийся интерес, так же как и Деснинские городища, культурные слои которых охватывают время V—III века до н. э. — VII—X века н. э. Особенно замечательно городище, расположенное в черте самого Трубчевска, отличающееся необыкновенно мощным культурным слоем (выше 4 метров). Как Трубчевское, так и все другие среднеснинские городища говорят о преемственности позднейших культурных напластований от скифской древности и в этом отношении представляют исключительно важный материал по вопросам, связанным с проблемой славянского этногенеза. Палеоантропологические исследования приобретают все большее значение при решении этногенетических проблем.

В статье «Разновидности брахицефалии» Е. В. Жиров поднял большой важности вопрос о значении искусственной и «бытовой» деформации для образования брахицефальных форм. В частности, на обширном материале показывается, какое значение для изменения (увеличения) годового показателя имеет уплощение затылка в связи с применением так называемого «нешика» — твердой колыбели с мочеотводным приспособлением.

Автор расходится с Г. Ф. Дебецом в оценке палеоантропологических материалов эпохи бронзы в Минусинском крае. Вместо пяти последовательных напластований он считает достаточным допустить, что на Енисее иммигрировавшим элементом были только носители карасукской культуры, которых нельзя рассматривать как промежуточную стадию между андроновцами и тагарцами.

Вопросы происхождения восточного славянства за последнее время заслуженно привлекали к себе внимание специалистов, и прежде всего наших археологов-славистов. Последние работы в этом направлении показали необходимость специальных полевых исследований в ряде районов, особенно в Среднем Поднепровье. Такие работы были организованы Институтом истории материальной культуры и Институтом археологии в Киеве. Краткая информация П. Н. Третьякова «Славянская (днепровская) экспедиция 1940 г.» дает представление о результатах первого года специальных работ. Они охватили обширный район по Ворскле на Левобережье и на правом берегу, в районе Искорестеня и Киселевки и по рекам Киевского Полесья (Тетерев, Звизж и Ирпень).

Особенно важными по результатам исследований 1940 г. являются впервые обнаруженные в большом числе остатки поселений собственно среднеднепровских славян середины и второй половины I тысячелетия н. э. При этом выясняется (особенно на напластовании Киселевки) возможность установления генетической связи между

культурой славянских племен и культурой «полей погребений», в свою очередь обнаруживающих все в большей степени близость к предшествующему развитию населения Поднепровья в скифо-сарматское время. Уже эти основные результаты первого года работ на Днепре имеют настолько большое значение, что служат несомненным основанием для дальнейшего развешивания раскопок.

Редко в археологии встречаются эпизоды прошлого, от которых веяло бы таким жизненным драматизмом, как от обнаруженного К. М. Каргером тайника под развалинами Десятинной церкви в Киеве. Из анализа найденных в тайнике украшений, оружия и орудий и рассмотрения его завала частями обрушившихся сводов церкви исследователь делает вывод о том, что в тайнике спасались киевляне в страшные дни 5 и 6 декабря 1240 г., когда последним оплотом против Батые им послужили город Владимира и Десятинная церковь.

Тайник представлял колодец в 4,6 метра глубиной. В его стенках были вырублены ниши. В одной из них прятался какой-то знатный киевлянин с собакой. Судя по находке частей ведр, веревки и заступов, в тайнике во время осады копали горизонтальный ход к откосу горы, в отчаянии надеясь на спасение из осажденного храма. Когда же произошел обвал, сверху в тайник упали и люди и их имущество. Так попали туда и замечательный набор 19 литейных формочек для котлов, серег, височных колец и браслетов. Очевидно, так же попали в тайник железный меч, шлем, горшок, энколпион, топор и другие вещи. На дне тайника в момент катастрофы искали спасения также молодой человек и старая женщина в необыкновенно пышно украшенных одеждах. Здесь же оказались серебряная витая гривна, перстень с камнями, ожерелье из медальонов с изображениями святых, трехбусинные височные кольца, крестики и подвеска — монета дожа Дандоло (1192 — 1205). Всех несчастных, оказавшихся в тайнике, ждала смерть — они сгорели среди обрушившихся горящих обломков.

Находки в тайнике имеют большое научное значение. Впервые в руки исследователя попал точно датированный разнообразный материал — целый маленький музей киевских древностей. Несомненно, при детальном изучении эти находки позволят многое уточнить и в отношении других серий, особенно в блестящей коллекции киевских кладов XI—XIII веков.

Вопросам прошлого Эстонии посвятили свои статьи Т. Моора («Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет»), Х. Пеетс («Город Таллин в XIII—XVIII веках») и Л. А. Мацулевич («Новгород и Таллин»).

Т. Моора в очень сжатом виде познакомил читателей «Кратких сообщений» с организацией и основными достижениями археологических изысканий в Эстонии. Уже этот краткий обзор свидетельствует о широте работ, охвативших разнообразные памятники Прибалтики от неолита до средних веков.

Х. Пеетс в своем очерке знакомит нас с древностями Таллина, с его замечательной средневековой архитектурой, сохранение которой делает честь эстонскому народу.

Статья Л. А. Мацулевича поднимает интереснейшую проблему культурных взаимоотношений Новгорода и Прибалтики. Рассматривая серию поразительных аналогий, которые представляет отделка фронтонов таллинских домов XV—XVI веков, щипцовое завершение стен новгородских и псковских храмов XII—XV веков, автор справедливо видит в этом отражение той художественной связи, которая и в более раннее время существовала между Северной Русью и прибалтийскими центрами.

Археологическим проблемам нашего Юга в данном выпуске «Кратких сообщений» посвящены две работы.

Статья Т. Н. Книпович «Некрополь на территории Ольвии» знакомит с серией новых погребений, вскрытых в 1940 г. на участке «И». Большинство из них относится к VI веку до н. э. Раскопки обнаружили ряд прекрасных образцов коринфской, самосской и навкратийской керамики. По устройству из общего числа погребений выделяется погребение № 32. Его стенки укреплены срубом со столбами по углам. По мнению автора, «не подлежит сомнению, что этот тип восходит к местным погребениям области Приднепровья».

Доклад А. Л. Якобсона «Гончарные печи средневекового Херсонеса» посвящен реконструкции керамических печей XI—XII веков, обнаруженных при раскопках 1940 г. в северном прибрежном квартале города. Привлеченный автором сравнительный материал показывает, что система средневековых херсонесских печей сохранила еще античные принципы. Характерно также отсутствие специализации внутри мастерских, выделявших одновременно и посуду и черепицу, а также объединение в одной мастерской мастеров с разными клеймами. Самое наличие в XI—XII веках гончарных печей в северном приморском районе Херсонеса свидетельствует о значительном сокращении территории города, о явном его упадке.

Десятый выпуск «Кратких сообщений» и с внешней стороны очень высококачествен. Он обильно снабжен иллюстрациями, в основной части выполненными на превосходных меловых таблицах.

Десятый выпуском закончилась первая серия информационного издания Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Надо признать, что эта серия была очень удачной. Своевременная информация о важнейших открытиях и исследованиях отражается самым благоприятным образом на развитии советской археологической науки.

С. В. Киселев.

ТРИПОЛЬСКА КУЛЬТУРА. Том 1. Київ. 1940. 594 стр.

Институт археологии Академии Наук УССР до войны в течение ряда лет осуществлял планомерное изучение памятников трипольской культуры. Проводились обширные раскопки вновь открываемых трипольских поселений. Особое внимание уделялось взаимоотношениям трипольской культуры с местным неолитом, а также с культурами энеолита и бронзового века степей Причерноморья и Дунайского бассейна.

Одним из важнейших вопросов трипольской культуры является выяснение назначения глиняных сооружений, открываемых на поселениях, — так называемых трипольских площадок. В русской дореволюционной и в современной зарубежной литературе распространено мнение о том, что эти площадки являются остатками ритуальных или погребальных сооружений. Лишь немногие исследователи, например В. А. Городцов и А. А. Спицын, видели в трипольских площадках развалины жилых построек.

За несколько лет ревностной работы советским археологам удалось собрать обширные материалы по трипольскому строительству и доказать, что площадки являются остатками жилых домов сложной конструкции и плана. В своеобразие трипольского дома удалось увидеть отражение особенностей общественного строя патриархальных земледельческих общин. Самый дом оказался жилищем нескольких семей, занимавших отдельные комнаты дома. Ближе всего он к так называемым длинным домам, широко известным в этнографии, в частности у племен Северной Америки.

Рецензируемый первый том «Трипольска культура» является сборником статей и материалов, касающихся главным образом вопроса о трипольских поселениях и площадках.

Первый раздел тома содержит материалы по раскопкам интереснейшего трипольского поселения на урочище Коломийщина у села Халепье, неоднократно освещенного на страницах ВДИ.

Во вступительной статье начальника экспедиции Т. С. Пассек дан обзор раскопок трипольских поселений, иллюстрированный сводной картой; освещены различные памятники района села Халепье и, наконец, подведен итог ведущимся с 1934 г. исследованиям на урочище Коломийщина. Т. С. Пассек убедительно доказала, что расположенные в Коломийщине двумя концентрическими кругами глиняные площадки являются остатками трипольского поселения, состоящего из 24 больших жилых мно-